- Александр Поуп
  -
  -
  - Песнь I
  - Песнь II
  - Песнь III
  - Песнь IV
  - Песнь V
  - Комментарии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

Александр Поуп
Похищение локона

Ироикомическая поэма

(Перевод В. Микушевича)

Госпоже Арабелле Фермор

Мадам,

Напрасно было бы отрицать, что я усматриваю некоторую ценность в данном произведении, посвящая его вам. При этом именно вы, надеюсь, подтвердите: оно преследовало единственную цель: развлечь немногих молодых леди, чей здравый смысл и чувство юмора достаточны для того, чтобы посмеяться не только над маленькими неприметными причудами их пола, но и над своими собственными. Однако, облеченная таинственностью, поэма слишком скоро распространилась в свете. Поскольку книгопродавцу был предложен ее несовершенный вариант, вы были так добры, что, снизойдя к моим интересам, согласились на публикацию другого, более верного: я не мог не пойти на это, лишь наполовину осуществив мой замысел, так как полностью отсутствовала машинерия, необходимая для цельности.

Машинерия, мадам, — термин, изобретенный критиками, дабы обозначить роль, которую играют в поэме божества, ангелы или демоны, ибо древние поэты в одном отношении уподобляются многим современным леди: как бы ни было тривиально действие само по себе, они всегда выдают его за крайне важное. Такую машинерию я решил построить на весьма новом и странном основании, использовав учение розенкрейцеров о духах.

Я знаю, как неуместны мудреные слова в присутствии леди, но поэту так свойственно стремиться к тому, чтобы его произведения были поняты, в особенности вашим полом, что я уповаю на ваше позволение объяснить вам два или три сложных термина.

Розенкрейцеры[1] — это сообщество, сведения о котором надлежит мне предоставить вам. Наилучшим образом, насколько я

могу судить, повествует о них французская книга, называемая «Le Comte de Gabalis»[2], столь напоминающая роман своим заглавием и объемом, что многие представительницы прекрасного пола по ошибке и посчитали ее таковым. По мнению этих господ, четыре стихии обитаемы духами, которых они именуют сильфами, гномами, нимфами и саламандрами. Злонамеренные проказы — излюбленная забава гномов или демонов земли, зато едва ли возможно вообразить существа более благожелательные, чем сильфы, обитатели воздуха. По словам розенкрейцеров, все смертные могут наслаждаться интимнейшей близостью с этими нежными духами, пока выдерживается условие, ничуть не обременительное для каждого истинного адепта: соблюдение непоколебимого целомудрия.

Что касается последующих песен, все события в них так же невероятны, как видение в начале и превращение в конце (единственное исключение — утрата вашего локона, о чем я упоминаю с неизменным почтением). Человеческие существа в поэме так же баснословны, как воздушные, а образ Белинды в его нынешней версии не уподобляется вам ни в чем, кроме красоты.

Даже если бы моя поэма обладала всеми совершенствами вашей особы и вашего разума, я не смел бы надеяться, что она приобретет в свете репутацию хотя бы наполовину столь безупречную, как ваша. Но какова бы ни была ее судьба, моя судьба осчастливила меня поводом заверить вас в том, что я искреннейший ваш почитатель, мадам,

ваш покорнейший, смиреннейший слуга

А. Поуп

Nolueram, Belinda, tuos violare capillos;
Sed juvat, hoc precibus me tribuisse tuis.

Mart.[3]

Песнь I

Любовь, подчас внушающую страх,
Опаснейшую даже в пустяках,
Пою; мне, Муза, Кэрил дал совет
Избрать столь незначительный предмет,
И не отвергнет Кэрил строк моих,
Когда Белиндой вдохновлен мой стих.
Неужто кавалер когда-нибудь
Отважился на даму посягнуть?
Неужто кавалер отвергнут был —
Не странно ли — за благородный пыл?
Неужто крепнет столь великий гнев,
Столь нежными сердцами завладев?
Луч солнца робко глянул из-за штор,
Чтобы его затмил ответный взор;
Собачки в полдень стряхивают сон,
И любящий не спал, но пробужден;
Слышны звонки, домашних туфель стук
И репетиров серебристый звук.
Белинда спит, примяв головкой пух;
Ей грезу продлевал хранитель-дух;
Сильф, соблюдая свято тишину,
Велел явиться утреннему сну;
И как придворный щеголь, ей предстал,
Ей на ухо как будто зашептал
И спящую рассказами увлек,
Что подтверждал румянец нежных щек:
«Покуда ты, прекрасная, жива,
Воздушные с тобою существа.
Когда виденья над тобой парят,
А нянька и священник говорят
Об эльфах, о травинках завитых,
О серебре волшебном, о святых
И непорочных девах, чей расцвет

Архангельских сподобился бесед,
Внимай и верь, свое значенье знай:
Превыше всех земных явлений рай.
Иные знанья не для всех людей,
А разве что для дев и для детей:
Невинность верит вместе с красотой,
Не сомневаясь в истине святой.
Знай, в нижнем небе духам нет числа,[4]
Вокруг тебя незримые крыла;
В театре, в парке стража при тебе;
Сопутствуют они твоей судьбе,
Эскортом легким в воздухе служа;
Что по сравненью с ними два пажа!
И нам случалось прежде вам под стать
В прекрасном женском образе блистать,
Но мы преодолели гнет земли
И свой удел воздушный обрели,
Хотя, дышать навеки перестав,
Мы все же сохранили женский нрав;
За суетой житейскою следим,
И, не играя, в карты мы глядим.
Охочие до золотых карет,
Мы любим ломбер[5], любим высший свет,
Но на земле, гордынею греша,
Спешит в стихию прежнюю душа.
Огонь красоткам вспыльчивым сродни,
И станут саламандрами они.
Стихия чая, зыбкая вода
Чувствительных влечет к себе всегда.
Был в здешней жизни злючкой каждый гном,
Взыскующий отрады лишь в дурном;
И в воздухе шалунья весела;
Став сильфом, ценишь легкие крыла.
Знай, принимает сильф участье в той,
Чья красота в союзе с чистотой.
Дух может в разных образах играть,
Свой пол и облик может выбирать.

Кто девушку способен уберечь
На маскарадах от опасных встреч,
Когда коварный шепот или взгляд
Ей наслажденье, кажется, сулят,
Когда чарует музыка, дразня,
А в танце жар нежнейшего огня?
О чести говорить — обычай ваш,
Но только сильф — для девы верный страж.
К прелестницам, чей нрав лукав и крут,
К самовлюбленным нимфам гномы льнут,
Внушают им надежду на успех
И презирать велят при этом всех.
Мечтаньями взволнован праздный мозг;
Им герцоги мерещатся и лоск,
Гербы, короны, титулы, размах,
И „ваша милость“ слышится в ушах;
Так приучают гномы чаровниц
Кокетливо смотреть из-под ресниц,
Румяниться, смущаться напоказ,
Повес прельщать игрой сердец и глаз.
Сильф женщину беспечную блюдет,
Сквозь лабиринты бережно ведет,
В круженье роковом неутомим,
Прогнать готов один каприз другим.
Но соблазнит ли деву первый фат,
Не будь другого, кто приманке рад?
Попал бы Флориан девице в тон,
Когда бы ручку ей не жал Дамон?
Так движут сердцем разные мечты,
Переменяя виды суеты;
Между собой враждуют парики,
Кареты, кавалеры, темляки,
А люди легкомыслием зовут
Прилежных сильфов хитроумный труд.
Я сильф, я прозываюсь Ариель;
Тебя хранить — моя святая цель.
Открыла в небе мне твоя звезда:

Тебе грозит ужасная беда,
Пока, минуя строй миров и стран,
Еще не село солнце в океан;
Хоть небеса скрывают, как и где,
Остерегайся: нынче быть беде.
Хранитель твой, тебе я подал знак:
Мужчина для тебя — заклятый враг».
Смолк сильф, и песик сонную лизнул,
Как будто язычком он сон спугнул;
Белинда, ты, когда не лжет молва,
Увидела записочку сперва;
Спросонья ты прочла любовный бред,
И сон прошел, видений больше нет.
А туалет открыт уже для глаз
В мистическом расположенье ваз,
И нимфа в белом пробует заклясть
Косметики таинственную власть,
А в зеркале чарующий двойник
Опять перед красавицей возник,
И послушница, рвением горя,
Священнодействует у алтаря,
Находит лучшие среди даров,
Среди преподношений всех миров,
Покров благоговейно создает,
Который блеск богине придает.
Там ярко заблистал индийский клад,
Здесь веет аравийский аромат.
Слон с черепахой как бы заодно,
Им сочетаться в гребнях суждено.[6]
Уместен каждый, кажется, предмет:
Булавки, бусы, Библия, букет.
Испытаны доспехи красоты,
Неотразимы нежные черты!
Улыбка может покорять сердца
Небесным обаянием лица.
Румянец может вспыхнуть горячей,
И наготове молнии очей.

Прилежным духам некогда плясать,
Им нужно чаровницу причесать;
Прелестницу рой сильфов одевал,
А Бетти удостоилась похвал.

Песнь II

Не столь блистательно светило дня
Над морем синим в пурпуре огня,
Как нежная соперница его
На Темзе, где восторг и торжество.
Хотя не счесть красавиц в этот час,
С нее одной никто не сводит глаз.
Крест, украшенье девственных грудей,
Поцеловал бы даже иудей.
Ум светится в глазах; он, словно взор,
Неуловим, рассеянный, и скор;
Улыбка дарит щедро всем привет,
Но в ней ни для кого надежды нет.
Ее глаза, как солнце, светят всем,
Как солнце, не прельщаются никем;
Скрывает красота любой порок.
В ней усмотреть пороки кто бы мог?
И если есть грехи у красоты,
Едва взглянув, о них забудешь ты.
Для смертного угроза из угроз
Два локона среди ее волос.
Из них прическу каждый завершал
И мрамор шеи белой украшал.
Тем самым уготовила судьба
Нежнейшие тенета для раба.
Для птиц и рыб волосяная снасть —
Коварная жестокая напасть.
Героев, чей могучий дух высок,
Нередко губит женский волосок.
Барон завороженный воспылал,
Он локонов роскошных пожелал;
Барон присвоить жаждет эту прядь,
Похитить или силою отнять.
Любовь обманом учит побеждать,

Насильника готова награждать.
Еще сияла в небесах заря,
Когда барон подобье алтаря
Из дюжины французских книг сложил;
Так он любви по-своему служил;
Намеренный почтить ее всерьез,
Перчатки и подвязки преподнес;
Трофеями былых любовных встреч
Он жертвенный костер сумел разжечь;
Пав ниц перед костром, просил барон
Сокровище, которым покорен;
Отчасти внять изволили вдали,
А лишний пепел ветры унесли.
Меж тем скользил кораблик расписной,
Играя с набегающей волной;
Музыка раздается средь небес:
Повеял звук и в тот же миг исчез.
Течет река прозрачнее стекла;
Всем радостно: Белинда весела!
Лишь сильф тревогу чувствует в груди:
Произойдет беда, того гляди!
И жителей воздушных он созвал,
И паруса крылами овевал
Небесный сонм, как будто ветерки
Шептались над просторами реки,
И в золоте летучем облаков
Чуть схожие с крылами мотыльков,
Тонули невесомые крыла,
Невидимые плавали тела,
Облечены в сияющую ткань,
Как будто небо воздает им дань
И чередует разные цвета,
Чтобы меняла краски Чистота,
Как будто машет в воздухе крыло,
Чтоб тело новый блеск приобрело.
На духов Ариель тогда взглянул,
На мачту золоченую вспорхнул

И в роскоши своих пурпурных крыл,
Жезл голубой подняв, заговорил:
«Сильфиды, сильфы, эльфы, сонмы фей!
Приказываю речи внять моей.
У духов тоже разные чины,
И сферы вам предопределены;
Одним из вас вверяется эфир,
Где вечный свет и бесконечный пир;
Иные направляют бег планет
В пространстве горнем, где пределов нет.
Грубее те, кто при луне в ночи
Сопровождают звездные лучи,
А также те, кого питает мгла,
Кто погружает в радугу крыла,
Кто стряпает бураны, студит лед,
Кто летом теплый дождь на ниву шлет,
А некоторым вверен род людской
С величием и суетой мирской;
Из этих духов самый главный тот,
Кто трон британский бдительно блюдет.
Мы поскромней, красавиц мы блюдем,
Приятным занимаемся трудом;
Мы пудру защищаем от ветров,
Хранители пленительных даров.
Мы похищаем краски у цветка,
И радуга от нас недалека,
И нам дано присвоить на лету
Все то, что украшает красоту,
А иногда внушить ей вещий сон,
Чтобы меняла вовремя фасон.
Боюсь я, черный день грозит красе,
Которой служим преданно мы все;
Угрюмый рок во тьме ночной таит,
Какое ей несчастье предстоит.
Коснется ли невинности позор,
Окажется ли с трещинкой фарфор,
Честь пострадает или же парча?

Вдруг нимфа потеряет сгоряча
Браслет или сердечко на балу?
Вдруг песик Шок преставится в углу?
Следите же за ней без кутерьмы!
Вверяем Зефиретте веер мы,
Брильянте серьги, капельки росы,
А Моментилле вверены часы,
Крисписсе — локон, сладостный залог,
Мне, Ариелю, остается Шок.
По меньшей мере, сильфов пятьдесят
Пускай за юбкой пристально следят.
Китовый ус и даже сталь[7] никак
Не защитят от яростных атак.
Способна разве только наша рать
Серебряный рубеж оберегать.[8]
Кто в небреженье будет уличен;
Тот во флаконе будет заточен;
Мученья сильфу грешному грозят,
Преступника булавками пронзят;
Он в щелочном потонет озерке,
В игольном настрадается ушке;
В камедь или в помаду попадет,
Что невозможным сделает полет;
Его покроет вяжущая мазь,
Он, как цветок, поблекнет, истомясь.
И в колесе вращающемся он
Завертится, как новый Иксион;[9]
На шоколадном сварится пару,
Окоченеет на морском ветру».
Сказал, и духи, глянув ей в лицо,
Образовали вкруг нее кольцо;
Кто лабиринт волос ее стерег,
Кто занял пост на искорках серег,
И, устремляя в будущее взгляд,
Все в страхе ждут, что судьбы породят.

Песнь III

Вблизи цветущих радостных лугов
Взор Темзы, не минуя берегов,
Пленяется дворцом, который горд
Названием бессмертным Хэмптон-Корт.[10]
Здесь на виду судьба держав и лиц,
Падение тиранов и девиц.
Здесь королева Анна невзначай
Советам внемлет и вкушает чай.
Приветил нимф и кавалеров двор,
И завязался общий разговор,
Который и порхает и скользит,
Кто вспоминает бал, а кто — визит;
Кто королевой мудрой восхищен,
Кто ширмою индийскою прельщен;
Других чернят и выдают себя,
Чужие репутации губя.
Находят и в немом кокетстве смак,
Смеясь, мигая, нюхая табак.
А между тем к закату солнце шло,
Хоть при косых лучах еще светло.
Опаздывают судьи на обед,
И обвиняемым пощады нет.
Купца домой ведет привычный путь,
И можно камеристкам отдохнуть.
Белинда жаждет проявить в бою
Отвагу несравненную свою,
Чтобы решить за ломбером судьбу
Двух рыцарей, вступающих в борьбу.
Три воинства числом по девяти[11]
Готовы бой отчаянный вести.
Грех сильфам оставаться не у дел,
На каждой важной карте дух сидел;
Достался Ариелю матадор,[12]

Распределил места незримый хор;
Угодно бывшим дамам неспроста
Предпочитать престижные места.
Четыре выступают короля,
Явить свои усы благоволя;
Четыре королевы; в чьих руках
Власть, нежно воплощенная в цветках;
Валеты, тоже четверо, средь карт,
Носители острейших алебард;
Выходит вся сверкающая рать
На бархатное поле воевать.
Белинда, взор метнув поверх стола,
«Пусть будут пики — козыри», — рекла.
И матадоры черные ведут
Отважных мавров, коих битвы ждут.
Спадильо в наступление пошел,
Два козыря пленил, очистив стол;
Исполненный победоносных сил,
Манильо славный многих покорил.
Для Басто, впрочем, жребий тяжелей:
Ему сдаются козырь и плебей.
Вооруженный самодержец пик,
В могуществе своем седом велик,
Одной ногой, хоть нет ему препон,
Шагнул, нарядом пышным облачен;
Восстал валет, обиды не стерпев;
Мятежника сразил монарший гнев.
Лорд Пам, который заслужил хвалу,
Кося войска в сражениях при Лу,[13]
Пал, побежденный пиками герой,
Как на войне случается порой.
Два войска рок Белинде покорил,
Барона не лишив при этом сил,
И амазонку выслал он вперед;
Корона пик воинственной идет.
Тиран трефовый перед ней поник,
Хоть был он черен, яростен и дик.

Какой монарху свергнутому прок
В том, что в порфире шествовать он мог,
Носил венец и, грозный нелюдим,
Один кичился скипетром своим?
Тогда барон бросает бубны в бой;
Показывая нам лишь профиль свой,
Король бубен с монархиней вдвоем
На поле битвы учинил разгром;
И трефы, бубны, червы в час беды
Смешали беспорядочно ряды;
Так африканец или азиат
Бежит, спасаясь, в страхе наугад;
Бросаются бежать в подобный час
Солдаты разных вер и разных рас,
И друг на друга валятся тела:
Одна судьба со всеми счет свела.
Валет бубен, свершитель дерзких дел,
Червовой королевой завладел.
У девы сердце замерло в груди,
Ей видится погибель впереди;
Попробуй страх отчаянный осиль!
Как не дрожать, когда грозит кодиль.[14]
Но пусть игра проиграна почти,
Одна уловка может все спасти.
Червовый туз чрезмерно рисковал;
Король о королеве тосковал;
Он, как неотвратимая гроза,
Обрушился и сокрушил туза.
Ликуя, нимфа радостно кричит;
Весь мир в ответ сочувственно звучит.
Так смертные отчаяньем грешат
И сразу же торжествовать спешат,
Как скоро отойдет победа в тень
И проклят будет этот славный день.
Приготовленье кофе ритуал,
Который всех в гостиной занимал.
Алтарь японский лампой озарен;

Пылает спирт, и свет посеребрен.
И в серебре вскипая, жидкий дар
В китайской глине сохраняет
Не уступает аромату вкус,
Отраден упоительный союз.
Воздушный хор Белинду окружал,
Услужливо ей кофе остужал,
Стерег подол и вспархивал к плечу,
Оберегая пышную парчу.
Известно, что кофейные пары
Не прочь от политической игры;[15]
Увидев локон вновь, барон затем
Исполнился опасных стратегем.
О юноша! Побойся ты богов!
Ты Скилле уподобиться готов.[16]
Пришлось ей птицей сделаться — увы! —
За оскорбленье отчей головы.
Но, как на грех, в злосчастный тот момент
Нашелся подходящий инструмент.
И пусть ему Кларисса не со зла
Оружье двухконечное дала,
Как рыцарю копье и острый меч,
Чтоб доблестного в правый бой вовлечь,
Барон к дурному действию влеком,
И лезвия раздвинул он тайком.
Над кофеем Белинда склонена,
Невидимая свита ей верна.
Ревниво духи локон стерегут
И на лету прическу берегут.
Три раза духи дергали серьгу;
Три раза отступать пришлось врагу,
Когда назад бросала нимфа взор;
Был Ариель рачителен и
Смотрел он в сердце нимфы сквозь букет,
Вдруг в сердце обнаружился секрет;
Увидел сильф предмет любви земной
И перед этой тайною виной

Отчаялся, застигнутый врасплох,
И скрылся, испустив глубокий вздох.
Сомкнула молча ножницы вражда,
И локон отделился навсегда;
Некстати верный сильф дежурил там,
Разрезан был несчастный пополам,
Но незачем оплакивать его:
Воздушное срастется естество.
Лишился локон бережной опеки,
Пропал навеки, да, пропал навеки.
И молния сверкнула из очес,
Девичий вопль донесся до небес.
Не громче раздаются крики вдруг,
Когда помрет щенок или супруг…
Или когда фарфор китайский в прах
Упал, оставшись в пестрых черепках.
«Венчайте лаврами мое чело, —
Рек победитель, — счастие пришло.
Пока в лазури птицам счету нет,
Пока в каретах ездит высший свет,
Пока читают „Атлантиду“ все,[17]
Пока нужна подушечка красе,
Пока визиты будут отдавать,
И свечи зажигать, и в гости звать,
Пока свиданья будут на земле,
Я буду жить в торжественной хвале».
Сталь сокрушает все, что создал век;
И памятник сражен, как человек.
Допустим, Трою боги возвели;
Остались лишь развалины в пыли.
Сталь всякую гордыню победит
И триумфальных арок не щадит.
Зачем же гнев девичий и печаль,
Когда волос не пощадила сталь?

Песнь IV

Но, в яростном унынье закоснев,
У ней в груди таился лютый гнев;
Король, терзаясь в горестном плену,
Девица, упустив свою весну,
Любовник от возлюбленной вдали,
Краса, которою пренебрегли,
Тиран, придя к жестокому концу,
Кокетка, если платье не к лицу,
Не так ярятся от своих обид,
Как дева, что без локона скорбит.
Когда покинул деву Ариель
И улетел за тридевять земель,
Гном Умбриель, наимрачнейший дух
Из тех, кто хочет, чтобы свет потух,
Отправился в подземные миры
Искать пещеру хмурую Хандры.
На закопченных крыльях гном парит,
В пределах тех, где тьма всегда царит.
Восточный ветер дует вечно там,
Отраднейшим препятствуя ветрам.
Вдали от лучезарнейших красот
Находится угрюмый этот грот.
Хандра лежала, погрузившись в тень;
Боль сбоку, в изголовий Мигрень.
У трона две прислужницы стоят,
У них различны облик и наряд.
Была со старой девой схожа Злость,
Вся в черно-белом, тощая, как трость;
Молитвы берегла на каждый час
И пасквили держала про запас.
Жеманство имитировало цвет
Щек, нежно-розовых в осьмнадцать лет,
Сюсюкало, притворствовало всласть.

Приготовлялось в обморок упасть,
Чтобы недомоганьем щеголять
И неглиже при этом обновлять.
Так вызывает новый пеньюар
Хворь дамскую, в которой столько
Тонул в тумане странный этот зал,
Где призрак вслед за призраком всплывал,
Как бред ночной отшельников лесных
Или виденья девушек больных.
Там демоны, там змеи, там огни,
Там тени в беспросветнейшей тени,
Озера золотые, рай и тлен,
Машинерия элизийских сцен.
Все заняты причудливой игрой,
Различно искаженные хандрой;
Оживший чайник ручку подавал
И носиком задумчиво клевал;
Треножником вышагивал горшок;
Вздыхал кувшин, и говорил пирог.
Беременностью хвастал старый лев,
И пробок жаждал хор бутылок-дев.
Гном, пролетая в этом царстве грез,
В руке целебный папоротник нес,
И молвил он: «Владычица, привет!
С пеленок до пятидесяти лет
Владеешь каждой женщиною ты,
Внушая то капризы, то мечты;
Ты вызываешь в дамах интерес
То к медицине, то к писанью пьес;
Гордячек заставляешь ты блажить,
Благочестивых учишь ты ханжить.
Есть нимфа, чей пример, прельстив других,
Толкнет к восстанью подданных твоих.
Когда подпортить я умел красу,
Искусно вызвав прыщик на носу,
Когда сжигал я нежный цвет ланит,
Уверив, будто проигрыш грозит,

Когда на головах рога растил,
Мял юбки дам, на простынях гостил,
Удачную прическу разрушал,
И подозреньем душу иссушал,
И слезы заставлял напрасно лить,
Хотя нельзя собачку исцелить,
Внемли: Белинду омрачить пора!
Тогда полмира поразит хандра».
Богиня с кислой миною брюзжит,
Но, в сущности, советом дорожит;
Мешок достала, не велик, не мал
(В мешке таком Улисс ветра держал[18]).
У ней в мешке изысканный набор
Бурь дамских, всхлипов, причитании,
Дала флакон скорбей, печалей, слез,
И это все с собою гном унес;
Дары незаменимые ценя,
На черных крыльях взмыл к высотам дня.
В объятиях Фалестрис нимфу гном
Узрел, порвал мешок, и грянул гром,
И фурии взвились, подъемля вой
Над непричесанною головой.
И без того была Белинда зла,
А тут пожар Фалестрис разожгла.
«Несчастная, рыдай! — вопит она
(Ей отвечает эхо из окна). —
Когда враждебный беспощадный рок,
Зачем щипцы, заколки, гребешок?
Зачем в неволе волосы держать,
Железом раскаленным поражать?
Зачем ярем, тяжелый, как свинец?
Зачем нам папильотки, наконец?
И похититель смеет свой трофей
Показывать собранью светских фей?
Но если пострадала наша честь,
Покоя не вернет нам даже лесть.
Предвижу слезы горькие твои,

Предвижу грязных домыслов рои.
Злоречие свою покажет прыть:
Испорченным кусочком будешь слыть.
Как мне тогда вступить с молвою в спор?
Мне скажут, что дружить с тобой п
Неужто так судьбой предрешено?
Неужто с бриллиантом заодно
Сверкать придется вечно красоте —
О, ужас! — на разбойничьем персте?
Скорей Гайд-парк бурьяном зарастет
И колокол рассудок обретет.
Не лучше ли пропасть вселенной всей —
От комнатных собачек до людей?»
И сэра Плюма шлет Фалестрис в путь:
Извольте, дескать, волосы вернуть!
Сэр Плюм повиновался, осердясь;
Янтарной табакеркою гордясь
И тросточкой, рассеян и угрюм,
Открыл сначала табакерку Плюм,
Потом вскричал: «Милорд, какого черта!
Тьфу, пропасть! Шутка не такого сорта…
Отдайте локон! Разве я не прав?»
И замолчал, по крышке постучав.
«Мне очень жаль, — в ответ промолвил пэр,
Должна бы с вас любезность брать пример,
Но локоном клянусь я вам, что впредь
Я вечно буду на него смотреть,
И не сиять ему среди волос,
Где ненаглядный прежде произрос;
Покуда я дышу, моя рука
С ним не расстанется наверняка».
Ответив так, он локон показал,
Которым хвастать суетно дерзал.
Гном Умбриель — поистине злодей.
Разбить он поспешил флакон скорбей.
Белинда током слез поражена,
В красивую тоску погружена,

И, не подняв печального чела,
Свой монолог Белинда начала:
«Будь проклят, омраченный вечной тьмой,
Мерзейший день, отнявший локон мой!
За что должна я, Господи, страдать?
Уж лучше Хэмптон-Корта не видать!
Там пала жертвой — ах! — не я одна,
Придворной суетой совращена.
Не лучше ли таить свою красу
Хоть на скале безлюдной, хоть в лесу,
Без ломбера, без чая, без карет,
Когда девице все это во вред,
И чтобы репутацию спасти,
Не лучше ли в пустыне отцвести?
Зачем средь лордов юных мне блистать?
Молитвы дома лучше бы читать!
Ничто не предвещало мне добра:
Шкатулка трижды падала с утра,
Качался без причины мой фарфор,
У Шока был недружелюбный взор,
И сильф меня во сне предостерег,
Но слишком поздно мне открылся рок!
Оставшимся кудрям несдобровать,
Я волосы мои готова рвать!
Два локона блюли мою весну
И оттеняли мраком белизну.
Теперь один остался у меня;
Грустит он, похитителя дразня,
И тоже беспощадных ножниц ждет,
И, кажется, придет его черед.
Мой враг жестокий! Лучше бы в тот миг
Ты мне другие волосы остриг!»

Песнь V

Сказала, и раздался общий стон;
Неколебим, однако же, барон.
Ему заткнуло уши божество:
Белинда не растрогала его.
Троянец был едва ли так суров,
Когда звучал Дидоны страстный зов.[19]
Взмах веера внимание привлек;
Кларисса начинает монолог:
«Скажите мне, за что красавиц чтят?
Что вызывает восхищенный взгляд?
Зачем их наряжает вся земля,
Благоговейно к ним благоволя?
Зачем сопровождают милых дам?
Зачем в театре кланяются нам?
Поверьте мне, что все это тщета,
Когда умом не блещет красота,
Но помнить надлежит средь суеты,
Что добродетель выше красоты.
Когда бы танцы или туалет
Спасали нас от быстротечных лет,
Кто не презрел бы повседневный труд
И то, что люди пользою зовут? —
Тогда бы слыл спасительным роман
И святость не стыдилась бы румян.
Но так как молодиться нам грешно,
И локоны седеют все равно,
И, как бы ни был облик твой хорош,
Презрев мужчин, девицею помрешь,
Не лучше ли, чем просто горевать,
В хорошем настроенье пребывать?
В спокойствии, поверьте, нет вреда;
Не нужно духом падать никогда.
Пусть красота влюбленный взор манит,

Заслуга душу нежную пленит».
Но, правотой своею дорожа,
Ответила Фалестрис: «Вы ханжа!»
«К оружию, — кричит она, — вперед!»
Фалестрис дам воинственных ведет.
Разгорячились и вошли во вкус,
И слышно, как трещит китовый ус.
Басят герои в хоре героинь,
Небесная внимает воплям синь,
Бойцам особый род оружья дан;
Они, как боги, не боятся ран.
Так, если прав божественный Гомер
И для бессмертных смертные — пример,
Паллада, Марс, Латона и Гермес
Сражались, возмутив покой небес;
Юпитер громы в ярости метал,
Нептун волнами грозно грохотал;
Земля тряслась, и рушились дворцы;
Средь бела дня вставали мертвецы.
На канделябре Умбриель сидел,
На битву с наслаждением глядел.
Другие духи наблюдали бой,
Участвуя в сражении порой.
Фалестрис — для противника гроза,
Неутомимо сеют смерть глаза,
Становится в сражении лихом
Метафорою смерть или стихом.
«О нимфа! Смерть — счастливый мой удел»,
Рек мистер Франт и мимо кресла сел.
Сэр Хлыщ, который в вечность отходил,
«Сии глаза — убийцы», — подтвердил.
На берегу Меандра средь цветов[20]
Так лебедь с песней умереть готов.
Сэр Плюм, в разгаре битвы раздражен,
Сразив Клариссу, Хлоей был сражен,
Но Хлоя улыбается над ним,
И воскрешенный рыцарь невредим.

Юпитер золотые взял весы;
На них он бросил женские власы
И здравый смысл мужской, но тяжелей
Был женский локон, как ни сожалей.
Белиндой атакован был барон,
Но не страшил воителя урон;
Его влекла единственная страсть:
У ней в объятьях смертью храбрых пасть.
Отвагою мужской вооружен,
Щепоткою девичьей лорд сражен,
Девица, увернувшись кое-как,
Барону в ноздри бросила табак;
Гном едкой пылью в грешника стрелял
И раздраженье жгучее вселял;
Потоки слез обильней вешних вод,
И носу отвечает эхом свод.
Белинда похитителю грозит,
Заколкою вот-вот его пронзит;
Девицын прадед, щеголь и гордец,
Носил на шее в виде трех колец
То, что застежкой в блеске золотом
На вдовьем платье сделалось потом,
Для бабушки свистулькой позже став,
Одною из младенческих забав,
Чтобы в заколке дамской заблистать,
Которую дала Белинде мать.
Барон вскричал: «Мой враг, не верь судьбе!
Поверь, грозит паденье и тебе.
Нет, не страшит меня смертельный бой,
Страшит разлука вечная с тобой;
И заживо, пожалуй, лучше мне
Гореть, но в купидоновом огне».
Кричит Белинда: «Локон возврати!»
Белинде вторит целый мир почти;
Кричал Отелло в яростной тоске
Не громче о потерянном платке.[21]
Но часто в ожидании наград,

Дерзая, добиваются утрат.
Добыча принесла герою вред,
Сам локон сгинул: нет его как нет.
Так небеса решили: видно, впредь
Им недостойны смертные владеть.
Подумали, согласно данным книг,
Что лунной сферы локон сей достиг,
Где скопище потерянных предметов:
Коллекция нарушенных обетов,
Неверные любовники в ларцах,
Нет недостатка в любящих сердцах,
Посулы знатных и улыбки шлюх,
Притворная слеза и ложный слух,
Загон для мухи, упряжь для блохи,
Тома благочестивой чепухи.
Но верьте Музе, локон воспарил,
Чтобы поэт об этом говорил,
Как Юлий Прокул мог сказать один,
Что возвратился в небеса Квирин;[22]
Звезда явила в небе яркий свет,
Тянулся волосок за нею вслед;
И Береники волосы не так
Светло сияли, разгоняя мрак;[23]
Возликовали сильфы, уяснив,
Что там летит среди небесных нив.
Гуляя в парке, будет высший свет
Музыкой посылать звезде привет.
Вздыхатель, размечтавшись на пруду,
Сочтет Венерой новую звезду.
Глазами Галилея Партридж наш[24]
Обследует заоблачный пейзаж,
Найдет звезду, взглянув на небосклон,
И нам предскажет, что падет Бурбон.
О локоне ты, нимфа, не грусти!
Он среди звезд сияющих в чести.
Утраченный, он выше остальных:
Завиднейший удел в глазах земных.

Сразишь ты миллионы светом глаз,
Но и тебя постигнет смертный час.
Два эти солнца тоже догорят,
И в прах падут все локоны подряд,
А этот цел, он Музою воспет,
И вписана Белинда в звездный свет.

Комментарии

Первоначальный вариант «Похищения локона» в двух песнях был написан, по-видимому, в июле 1711 г. менее чем за две недели и в мае 1712 г. опубликован издателем Линтотом в «Альманахе поэм и переводов». Вторая редакция поэмы, существенно переработанной и расширенной до пяти песен, вышла в свет отдельным иллюстрированным изданием в марте 1714 г. Именно в этом пятипесенном варианте появились «машинерия» — сильфы, гном и все связанные с ними события, описания туалета Белинды, прогулки по Темзе и игры в ло.

Для издания в составе первого тома своих произведений (1717) Поуп еще раз просмотрел текст и дополнил его в начале пятой песни речью Клариссы. Темой для поэмы послужило происшествие, случившееся летом 1711 г., — ссора лорда Питре с мисс Арабеллой Фермор, о чем рассказал Поупу его друг Джон Кэрил, приходившийся лорду Питре троюродным братом. Лорд Питре, ухаживавший за мисс Фермор, ухитрился отрезать у нее локон, и разгневанная красавица отказала ему от дома. Этот светский анекдот Поуп, по совету Кэрила и с намерением помирить молодых людей, положил в основу шутливой ироикомической поэмы. Примирение не состоялось, но состоялось произведение, исполненное юмора и неудержимой фантазии, в котором невероятные события перемежаются с живыми описаниями быта и нравов аристократического Лондона — произведение, которое поистине вписано в «звездный свет» английской поэзии XVIII в. Неполный перевод поэмы на русский язык сделала в 30-х годах нашего столетия Т. Щепкина-Куперник.

Комментарии и примечания: А. Субботин

---

notes

Примечания

1

Розенкрейцеры — члены тайного религиозно-мистического общества, получившего распространение в Европе с начала XVII в. Эмблемой розенкрейцеров был андреевский крест с четырьмя розами.

2

…повествует о них французская книга, называемая «Le Comte de Gabalis». — Полное название книги «Граф де Габалио, или Беседы о тайных науках». Ее автором был аббат Монфокон де В. Эта книга, в которой осмеивались мнимые «тайны» розенкрейцеров, впервые опубликована в 1670 г., а в 1714 г. в Лондоне вышел ее перевод на английский язык.

3

Эпиграф к поэме представляет собой перефразировку строк из эпиграммы Марциала (Кн. 12 Эп. 86), куда Поуп вставил имя «Белинда»:

> Я не хотел, Политим, чтоб к твоим волосам прикасались,
> Но я рад, что сдался я на желанья твои.
>
> *(Пер. А. Фета.)*

4

Знай, в нижнем небе духам нет числа… — Согласно христианской мифологии, вокруг Земли находятся девять небес; первое, или нижнее, — это небо Луны.

5

Мы любим ломбер… — Ломбер — старинная карточная игра, появившаяся в Испании еще в XIV в., а позднее получившая распространение и в других странах. В ней участвуют три игрока: двое играют против третьего, который объявляет игру; играют не полной колодой — из нее изымают все восьмерки, девятки и десятки, оставляя по десять карт каждой масти, всего сорок карт; цель игры — набрать наибольшее количество взяток.

6

Слон с черепахой как бы заодно, // Им сочетаться в гребнях суждено. — Речь идет о черепаховых гребнях, отделанных слоновой костью.

7

Китовый ус и даже сталь никак… — В то время дамские нижние юбки поддерживались стальным проволочным каркасом и укреплялись китовым усом.

8

Серебряный рубеж оберегать. — Имеется в виду серебряная кайма на нижней юбке.

9

Завертится, как новый Иксион… — Согласно древнегреческому мифу, царь лапифов Иксион за свои преступления был жестоко наказан: в подземном царстве он был прикован к вечно вращающемуся огненному колесу.

10

Хэмптон-Корт — дворец с парком на берегу Темзы близ Лондона; в те времена был королевской резиденцией.

11

Три воинства числом по девяти… — В ломбере игрокам раздают по девять карт. Оставшиеся в колоде тринадцать карт кладут на стол — из них берут прикуп.

12

Достался Ариелю матадор… — Матадорами в ломбере называются три старших козыря: спадильо, манильо и басто. *Спадильо* — первый по старшинству козырь, которым всегда является туз пик. *Манильо* — второй по старшинству козырь, который меняется с каждой игрой; им служит самая младшая карта выбранной козырной масти. *Басто* — третий по старшинству козырь, которым всегда является туз треф.

13

Лорд Пам, который заслужил хвалу, // Кося войска в сражениях при Лу… — Имеется в виду валет треф, являющийся высшим козырем в карточной игре в мушку (по-английски — loo).

14

Как не дрожать, когда грозит кодиль. — Кодилью в ломбере называют такой исход игры, когда один из двух партнеров, играющих против третьего, выигрывает большую часть взяток.

15

Известно, что кофейные пары // Не прочь от политической игры… — Во времена Поупа лондонская кофейня была поистине центром общественной жизни, и каждый почтенный горожанин регулярно ходил в определенную кофейню. Здесь велись непринужденные беседы и ожесточенные политические споры, здесь узнавали, передавали и обсуждали политические, литературные, военные и торговые новости.

16

Ты Скилле уподобиться готов. — Скилла, дочь мегарского царя Ниса, влюбившись в критского вождя Миноса, который долгое время осаждал Мегары, срезала с темени отца волшебный пурпуровый волос, источник силы Ниса, и хотела отдать его Миносу. Однако Минос волос не взял и снял осаду Мегар, а Скилла за свой проступок была превращена в птицу (Овидий. Метаморфозы. VIII, I — 151).

17

Пока читают «Атлантиду» все… — Имеется в виду книга писательницы и журналистки Мери де ля Ривьер Мэнли (1663–1724) «Придворные интриги: в собрании оригинальных писем с острова Новая Атлантида», вышедшая в 1711 г., именно в то время, когда Поуп писал «Похищение локона». За два года до этого, в 1709 г., миссис Мэнли опубликовала «Секретные мемуары и нравы некоторых знатных особ обоего пола. Скандальная хроника Новой Атлантиды» — сочинение, в котором высмеивались видные деятели партии вигов.

18

В мешке таком Улисс ветра держал. — Эол, повелитель ветров, дабы облегчить путешествие Одиссея, снабдил его мешком со всевозможными ветрами (Г Одиссея, X, 19–24).

19

Троянец был едва ли так суров, // Когда звучал Дидоны страстный зов. — Речь идет об Энее и Дидоне — персонажах «Энеиды» Вергилия (кн. IV).

20

На берегу Меандра средь цветов… — Извилистая река Меандр в Малой Азии часто упоминалась в античной художественной и исторической литературе.

21

Кричал Отелло в яростной тоске… — См.: Шекспир В. Отелло, венецианский мавр. Акт III, сцена 4.

22

Как Юлий Прокул мог сказать один, // Что возвратился в небеса Квирин… — Согласно преданию, Ромул, легендарный основатель Рима, заявил сенатору Юлию Прокулу, что он желает, чтобы его чтили под именем Квирина.

23

И Береники волосы не так // Светло сияли, разгоняя мрак… — Береника Киренская, жена и двоюродная сестра египетского правителя Птолемея III Евергета (247–222 гг. до н. э.), молясь о благополучном возвращении мужа из военного похода, отрезала свою косу и посвятила ее Афродите Зефиритской. Однако волосы исчезли из храма, и придворный астроном Конон Самосский, дабы спасти положение, объявил, что волосы Береники вознесены на небо и стали созвездием.

24

Глазами Галилея Партридж наш… — Джон Партридж был английским астрономом, старшим современником Поупа (он умер в 1715 г.). В своих календарях он ежегодно предсказывал конец литературной карьеры Поупа и падение французского короля Людовика XIV, который вел с Англией продолжительную и изнурительную войну за испанское наследство. Говоря о «глазах Галилея», поэт имеет в виду зрительную трубу, которую Галилей первым использовал для астрономических наблюдений.